

«ЭСПЕРАНТО» ДЛЯ КОНФЛИКТОЛОГОВ (НА ПУТИ К СОЗДАНИЮ ЕДИНОЙ ТЕОРИИ КОНФЛИКТА)

Статья посвящена проблеме становления и развития теории конфликта. Подчеркивается, что междисциплинарное определение характера конфликтологии как специализированной отрасли научного знания, сформировавшейся на базе социологического теоретико-методологического фундамента, с неизбежностью влечет за собой требование о необходимости обладания собственной единой теорией конфликта.

Показанные и проанализированные подходы к построению теории конфликта свидетельствуют о том, что в современной науке совершенно отчетливо проступает тенденция, характеризующаяся движением к формированию новой парадигмы — конфликтологической, пытающейся синтезировать все виды гуманитарного, социального и психологического знания на основе системной методологии, использования логических и математических методов, компьютерного моделирования и анализа.

Рассматривается и анализируется одна из первых попыток создания единой теории конфликта, осуществленная В. А. Светловым. Показаны ее возможности в определении ситуации как конфликтной, операциональные возможности предложенного понятия «конфликт», принципы построения единой теории конфликта, возможности ее использования специалистами различных специализированных отраслей знания.

Становление конфликтологической парадигмы социального знания происходило в лоне социологии, изначальная позитивистская ориентация которой определила и особенности процесса ее формирования в качестве специализированной отрасли знания.

Выделение конфликтологии в самостоятельную отрасль научного знания происходило в весьма сжатые исторические сроки. Вместе с тем востребованность в первую очередь непосредственно практических рекомендаций создавала в обществе представление о ней в основном как о прикладной дисциплине. В этой связи А. Г. Здравомыслов отмечает: «Конфликтолог — это специальная профессия, представители которой участвуют во многих переговорных процессах, выезжают в «горячие точки», где работают в качестве консультантов и участвуют в переговорном процессе на разных уровнях и в разных ситуациях»¹. Вместе с тем он констатирует, что «для того чтобы иметь более полное представление об исследовательской работе в этом направлении, важно знать, что между теоретическими и сугубо прикладными работами конфликтологического характера существует промежуточное звено: тот слой

теоретических разработок, которые Роберт Мертон назвал бы «теориями среднего уровня» в области изучения конфликтов»². В этой связи А. Г. Здравомыслов предпочитает говорить о своем намерении анализировать конфликты, развертывающиеся в России, в рамках «специальной социологической теории конфликта»³.

Таким образом, можно сделать предварительный вывод о том, что в очерченных границах продемонстрированного подхода еще явно сохраняется позиционирование представления о конфликтологии как о дисциплине в основном прикладного характера, «теоретическое обслуживание» которой берет на себя социология в виде «специальной теории конфликта».

Междисциплинарное определение характера конфликтологии как специализированной отрасли научного знания, сформировавшейся на базе социологического теоретико-методологического фундамента, с неизбежностью влечет за собой требование о необходимости обладания собственной единой теорией конфликта, развиваемой через теории среднего уровня и находящей применение в прикладных исследованиях.

О созревших предпосылках именно такого представления о структуре конфликтологического знания в отечественных условиях говорилось, в частности, и на I Международном конгрессе конфликтологов⁴.

Развитая структура конфликтологии как специализированной отрасли знания с необходимостью будет сопряжена с разветвленной сетью сопутствующих статусов: конфликтолог-переговорщик, конфликтолог-теоретик, конфликтолог-аналитик, конфликтолог-консультант, конфликтолог-педагог, конфликтолог-преподаватель и пр. Пока же о конфликтологе складывается представление, в основном, как о переговорщике, медиаторе (как и о социологе, к слову сказать, благодаря его имиджу, сформированному СМИ, в основном, как о специалисте по изучению общественного мнения). Собственно, для обыденного сознания (с точки зрения его «практической логики») такая ассоциация является «нормальной»: ведь попадая, например, на прием к стоматологу, вы, как правило, не задумываетесь и не интересуетесь тем, как обстоят дела в мире медицинской науки, какими проблемами озабочены ученые в сопряженных со стоматологией специализированных отраслях знания, что значит в повестке дня рабочего графика у менеджера данной стоматологической клиники и т. д. Больного волнуют его «конкретные проблемы» — зубная боль, кариес, изготовление протезов и т. д. Однако для него в конечном итоге оказывается небезразличным то, насколько безболезненной окажется сама процедура лечения, насколько качественно будет изготовлен для него протез или поставлена пломба. Таким образом, он волей или неволей становится сопряженным с общей динамикой становления и структурирования медицины как социального института. От того, как будет протекать процесс институционализации, в конечном итоге будет зависеть и вопрос о качестве его «чисто конкретных» ощущений. Данная аналогия необходима для того, чтобы еще раз подчеркнуть определяющее зна-

чение характера связи между теорией и практикой (в том числе и для не всегда осознающего это актора, руководствующегося, как правило, принципами «практической логики»), а также для того, чтобы как можно четче и контрастнее обозначить весьма назревшую проблему и в самой профессиональной среде конфликтологов: «практиковать» без развитой теории становится все более затруднительно. Принципиальные вопросы, с которых начинается любая наука, — формулировка основных понятий, обладающих развитыми операциональными свойствами, наличие концептуального аппарата, позволяющего работать с разнообразными проявлениями исследуемого феномена, и пр. — оставались неразработанными или свидетельствовали об ограниченном характере операциональных возможностей.

Понятия «конфликт» и «конфликтная ситуация» *a priori* являются альфой и омегой всего конфликтологического дискурса. Однако неудовлетворенность ситуацией, складывающейся по поводу возможностей существующих дефиниций этих исходных понятий, со временем усиливалась.

Р. Макк и Р. Снайдер, пытаясь разобраться во всем существующем спектре интерпретаций понятия «конфликт», вынуждены были констатировать: «Очевидно, «конфликт» представляет собой большей частью резиноподобное понятие, которое можно растягивать и полученное использовать в своих целях»⁵.

Авторитетный исследователь проблем психологии конфликта Н. В. Гришина приходит к неутешительному выводу: «Анализ показывает, что (...) ни одно из определений не может быть принято в качестве универсального либо в силу ограниченности охватываемых им явлений лишь частью конфликтной феноменологии, либо из-за многозначности используемых формулировок»⁶.

Сложившаяся ситуация порождает из ряда вон выходящие случаи, когда в одном из учебных (!) пособий авторы вынуждены декларировать сознательный

уход от необходимости сформулировать определение этого опорного понятия для всего курса, заявляя: «Поскольку интуитивное понимание сути социального конфликта яснее, чем его длинные определения, то можно обойтись и без них (к радости студентов!)»⁷.

Не лучшим образом обстоит дело и с разработкой проблемы осмысления ситуации как ситуации конфликтного типа. Так, например, в уже упоминавшемся исследовании Н. В. Гришиной указывается на то, что «понятие ситуации в психологии недостаточно определено»⁸ и «ответить на эти вопросы совсем не просто»⁹. Традиционным для психологического дискурса является определение ситуации как результата восприятия ситуации и ее интерпретации (так, например, в соответствии с наиболее часто упоминаемой в различных источниках теоремой У. Томаса «если ситуации определяются как реальные, они становятся реальными по своим последствиям»).

Однако в рамках данного дискурса становится затруднительным понимание той ситуации, в которой один индивид будет определять ее как конфликтную, а другой — нет. Как в таком случае должен поступить психолог? Каким образом интерпретировать и сопрягать возникающий феномен субъективности, являющийся определяющим в его профессиональном дискурсе? Но даже здесь, по признанию самих психологов, их ждут немалые трудности: «Переходя к индивидуально-психологическим особенностям, которые потенциально могут влиять на предрасположенность человека к восприятию, оценке тех или иных ситуаций как конфликтных, мы будем вынуждены во многом опираться на косвенные данные из-за фактического отсутствия прямых исследований по этому вопросу»¹⁰.

Потребность в разработке и внедрении единой теории конфликта, удовлетворяющей запросы всех, кто предметом своего анализа сделал конфликт, определена научным сообществом достаточно внятно. Не существует практически ни

одного серьезного исследования, в котором бы не указывалось на насущный и крайне неотложный характер решения данной проблемы.

Приходится констатировать тот факт, что за время, прошедшее с момента появления концепции Л. Козера, ничего принципиально (!) нового в теорию конфликта добавлено не было. Даже весьма популярная в 90-е годы теория фрустрации универсальных человеческих потребностей Джона Бертона не выходит за пределы базисных допущений Г. Зиммеля и Л. Козера¹¹.

Концепции К. Боулдинга и Л. Кригсберга не лишены определенных недостатков, связанных с пониманием конфликта как ситуации, в которой каждый участник *осознает* несовместимость своих устремлений с устремлениями своих противников. Такая трактовка с трудом применима, в частности, к анализу бессознательных внутриличностных конфликтов — неврозов.

Создание в первой половине XX столетия Дж. фон Нейманом и О. Моргенштерном теории игр породило у некоторых математиков надежду на возможность создания универсального метода анализа и поисков путей разрешения конфликтов. Однако в своем классическом виде этот подход не позволял находить кооперативные решения в антагонистических играх. Все попытки использовать существующие математические методы для анализа и решения конфликтов можно считать неудовлетворительными: ни одна из них не оказалась способной обеспечить общий язык и технику полноценного моделирования и анализа моделей социальных, психологических и иных конфликтов.

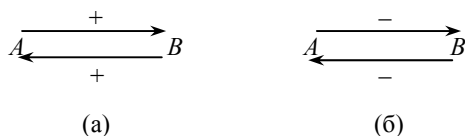
На фоне бурно развивающейся прикладной конфликтологии отсутствие прогресса в теоретической конфликтологии вносило диссонанс в общую картину достигаемых успехов, не давая в полной мере насладиться сложившейся в обществе ситуацией востребованности этой новой специализированной отрасли знания.

И такая теория была создана. Приоритет в осуществлении попытки создания единой теории конфликта принадлежит российскому ученому В. А. Светлову, профессору Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена. (Основные работы: Практическая логика. СПб., 1997; Аналитика конфликта. СПб., 2001.)

Исходной теоретической и методологической установкой концепции является *системный анализ*, дополненный элементами *теории графов*, *теории вероятностей*, *динамического анализа*, *теории игр* и *гиперигр*.

Светлов понимает конфликт как определенный дисбаланс системы с особыми структурными, вероятностными, динамическими и теоретико-игровыми характеристиками: «Конфликт — это не только синоним структурной и динамической асимметрии отношений между элементами социальной системы, а его отсутствие — синоним структурной и динамической симметрии отношений между элементами социальной системы; конфликт неразрывно связан со своей противоположностью — бесконфликтным состоянием, и обе противоположности представляют два полюса, два состояния, между которыми обречен колебаться любой природный и социальный процесс»¹².

Особое внимание привлекает его доказательство ошибочности привычного и распространенного даже в научной литературе представления о конфликте как взаимной борьбе (антагонизме). *Антагонизм* определяется им как одна из двух возможных форм разрешения конфликта (другой является *синергизм*):

Случай (а) соответствует синергетической связи: усиление (ослабление) системы *A* вызывает усиление (ослабление) системы *B*. Обратное также верно. Случай (б) соответствует антагонистической

связи: усиление (ослабление) системы *A* вызывает ослабление (усиление) системы *B*. Обратное также верно. Оба случая являются вариантами *положительной обратной связи*, характеризующей бесконфликтное состояние системы. Любая положительная обратная связь способствует сохранению в определенных границах системного качества. Ее главной функцией является объединение индивидуумов в один общий класс (общую категорию), в предельном случае являющийся *гомогенным*.

Отрицательная обратная связь подчиняется противоположному закону: если отношение *A* к *B* позитивно (имеет знак «+»), то обратное отношение *B* к *A* должно быть негативным (иметь знак «-») и наоборот. Иными словами, результат умножения знаков прямого и обратного отношений для отрицательной обратной связи должен быть всегда отрицательным. Наличие отрицательной обратной связи свидетельствует о конфликтном состоянии системы. Главной функцией отрицательной зависимости является разъединение индивидуумов, принадлежущих какому-нибудь общему классу, на различные подклассы (категории), что свидетельствует о наличии признака *гетерогенности*.

Конфликт, по Светлову, как и любая отрицательная обратная связь, представляет форму саморегуляции поведения систем — поиска, создания и перехода от неоправдавших себя форм поведения к новым ради достижения ими своих внутренних целей¹³. Переход системы от одного устойчивого состояния к другому возможен только посредством возникновения и разрешения конфликта.

Синергизм и антагонизм представляют собой варианты способов разрешения конфликтов. Если члены какой-нибудь социальной группы поддерживают друг друга, то есть образуют синергетическую систему, то такое поведение социально одобряется только в том случае, когда идеалы и цели, которыми они руководствуются, социально и культурно значимы. В противном случае такой синер-

гизм социально неприемлем и осуждается или преследуется. Если антагонизм двух подсистем основан на принципе соблюдения примерного равновесия сил, как было между СССР и США и их союзниками в период «холодной войны», то он представляет устойчивый способ бесконфликтного поведения всей системы в целом и поддерживается обеими враждующими подсистемами. При нарушении паритета в значимых для системы отношениях антагонизм ведет к гипертрофии одной подсистемы и атрофии другой и начинает представлять опасность для ее существования в целом¹⁴.

Синергизму и антагонизму соответствуют (согласно принципу симметрии) *антисинергизм* и *антиантагонизм*, исчерпывающие все виды конфликтного состояния систем. Распространенное определение термина «конфликт» как борьба, война, насилие, восстание, забастовка, драка, ссора и т. п. неточно в одном существенном смысле: все перечисленные явления представляют всего лишь определенный (антагонистический) способ разрешения конфликта, но не конфликт как таковой. Вторым недостатком общепринятого толкования является то, что причины перечисленных феноменов не исчерпывают объем понятия «конфликт». Например, конфликт интересов, сопровождающий каждого из нас всю жизнь, не включается в указанное определение.

Научное определение конфликта требует системного анализа данного явления. Система взаимодействующих элементов, связанных друг с другом петлями положительной и отрицательной обратной связи, — исходный пункт корректного определения конфликта. Если суммарный итог сложения веса всех петель рассматриваемой системы отрицательный, тогда говорят, что она является конфликтной. Отличительным признаком любой конфликтной системы является то, что каждый ее элемент находится в отрицательной связи с самим собой.

Структурной моделью конфликта в указанном смысле выступает **означенный диграф** (ориентированный граф, каждое ребро которого отмечено знаком «+» или знаком «-»), чьи элементы находятся в отношении отрицательной обратной связи с самими собой. Такие диграфы принято также называть несбалансированными.

Негативные отношения элементов системы — всего лишь необходимое условие возникновения конфликта, но еще не достаточное. Если A негативно относится к B , то этого одного отношения недостаточно для того, чтобы констатировать наличие конфликта между ними. Только дисбаланс (асимметрия, нечетное число) негативных прямых и обратных отношений порождает конфликт. Следовательно, при негативном отношении A к B конфликт между ними возможен лишь при позитивном отношении B к A .

Общие признаки конфликтного и бесконфликтного состояний определяет **фундаментальная структурная теорема анализа и разрешения конфликтов (ФСТ)**. Согласно этой теореме, система с любым числом элементов бесконфликтна, если и только если все отношения между ее элементами позитивны, то есть *когда она является однополюсной (синергетической)* или разделена на две подсистемы, отношения между которыми взаимно негативны, а отношения внутри каждой из них позитивны, то есть *когда она является двухполюсной (антагонистической)*. Все системы, имеющие более двух негативно связанных полюсов власти (влияния), с необходимостью находятся в конфликтном состоянии.

Следовательно, только системы, все члены которых поддерживают друг друга либо потому что позитивно относятся к какой-нибудь общей цели, либо потому что негативно относятся к какой-нибудь общей цели, бесконфликтны. Все остальные комбинации являются заведомо конфликтными.

Бесконфликтные полуциклы образуют петли положительной обратной связи (бесконфликтные циклы — динамиче-

ские петли положительной обратной связи). Соответственно конфликтные подциклы образуют петли отрицательной обратной связи (конфликтные циклы — динамические петли отрицательной обратной связи). Следовательно, конфликт — это разновидность саморегуляции, то есть обусловленная внутренними причинами устойчивая тенденция системы возвращаться к состоянию нарушенного равновесия, баланса отношений между своими элементами.

Независимо от числа элементов система обладает равным числом возможностей (но, как правило, с разной вероятностью каждой из них) находиться в конфликтном и бесконфликтном состояниях. Этот результат можно интерпретировать как показатель способности системы к изменениям, то есть к динамике. Более точно эта способность может быть измерена в виде степени конфликтности системы.

Степень конфликтности системы прямо пропорциональна степени дисбаланса ее отношений, которую можно приравнять к степени ее неустойчивости. Следовательно, степень конфликтности в определенном смысле представляет показатель готовности системы перейти в новое, более устойчивое состояние и может быть названа ее динамическим показателем. Более полный анализ подобных свойств конфликта требует использования динамической модели этого явления.

Динамическая модель конфликта — это взвешенный диграф, символизирующий систему, по меньшей мере, с одной отрицательной обратной связью (с одним отрицательным циклом) и любыми целыми числами в качестве весов.

Динамика (поведение) системы учитывает ее структурные особенности, но добавляет к ним новые, связанные с особой ролью петель положительной и отрицательной обратной связи (бесконфликтных и конфликтных циклов соответственно). Значит, динамическая модель конфликта представляет обобщение структурной модели этого явления, давая самое полное и важное знание о

причинах его появления, развития и результатах (исходах) разрешения.

Согласно **фундаментальной динамической теореме анализа и разрешения конфликтов (ФДТ)**, те системы конфликтны динамически, чей суммарный коэффициент обратной связи R хотя бы для одной переменной имеет значение, меньшее нуля. В противном случае система является динамически бесконфликтной.

Из структурного и вероятностного анализа известно, что все бесконфликтные системы (способы разрешения конфликта) делятся на *однополюсные* (все связи позитивны) и *двухполюсные* (в каждом полюсе связи позитивны, но все связи между полюсами негативны). Динамический анализ показал, что однополюсные системы обладают свойством *синергизма* (значения всех переменных либо одновременно растут, либо одновременно уменьшаются), а двухполюсные — свойством *антагонизма* (рост значений одних переменных влечет уменьшение значений других и наоборот). Аналогично все конфликтные системы, с динамической точки зрения, можно разделить на *антисинергетические* (содержащие нечетное число знаков « \rightarrow » и хотя бы один знак « $+$ ») и *антиантагонистические* (содержащие нечетное число знаков « \rightarrow » и ни одного знака « $+$ »).

Конфликтные и бесконфликтные системы могут быть динамически стабильными и динамически нестабильными. Динамическая стабильность системы означает ее способность сохранять свое качество в процессе взаимодействия с внешней средой (системой). Но тогда ни конфликтное, ни бесконфликтное состояния системы сами по себе, то есть без учета фактора ее динамической стабильности/нестабильности, нельзя однозначно отождествлять с дезорганизацией (неустойчивостью) или организацией (устойчивостью) ее элементов соответственно. Как конфликтное, так и бесконфликтное состояния системы могут с равным успехом способствовать ее сохранению и разрушению.

Все конфликтные системы с учетом особой роли суммарного коэффициента обратной связи R можно разделить

1) на *конфликты-катастрофы* ($R < -1$; разрушают те системы, в которых возникают);

2) на *конфликты-пульсации* ($R = -1$; оставляют развитие системы на прежнем уровне, обеспечивая незатухающие колебания одной амплитуды значений ее переменных вокруг какого-либо одного значения);

3) на *стабилизирующие конфликты* ($-1 < R < 0$; переводят развитие системы на новый — более высокий или более низкий — уровень стабильного существования).

Все бесконфликтные системы представляют особые способы разрешения конфликта и с учетом специфической роли коэффициента обратной связи R могут быть разделены на системы, в которых:

- частично или полностью отсутствует взаимодействие между противодействующими переменными, а если оно имеется, то блокируется ($R = 0$; конфликтующие переменные системы «уходят» от противодействия, или это противодействие блокируется другими ее переменными);

- развитие синергизма или антагонизма переменных принимает форму ограниченного некоторым пределом роста или уменьшения их значения ($1 < R < 0$; системы переходят на новый — более высокий или более низкий — уровень стабильного существования);

- развитие синергизма или антагонизма переменных принимает форму монотонного и безграничного роста или уменьшения их значений ($R = 1$; оставаясь бесконфликтными, такие системы динамически нестабильны, так как в своем дрейфе они никогда не достигают предельного уровня стабильности);

- развитие синергизма или антагонизма переменных принимает форму неограниченного и катастрофического роста или уменьшения их значений ($1 < R$;

будучи бесконфликтными, такие системы очень быстро разрушаются).

Проблема превращения систем одного вида в другой является одной из центральных в динамике. Следующие трансформации выполняются для синергетических и антагонистических систем согласно теоремам T_1 – T_2 :

(1) Все синергетические системы с течением времени только усиливают свой синергизм;

(2) Все антагонистические системы с течением времени только усиливают свой антагонизм.

Допустим, дано множество динамически бесконфликтных, но структурно конфликтных систем. Тогда, согласно теоремам T_3 – T_4 , при указанных ими условиях:

(3) Антисинергетические системы с течением времени способны превращаться в антагонистические;

(4) Антиантагонистические системы с течением времени способны превращаться в синергетические или антагонистические.

Методологическое значение трансформационных теорем в целом состоит в том, что они раскрывают творческую природу конфликта, объясняют одну из самых важных его функций — служить фактором изменчивости, порождать новые возможности развития, быть причиной возникновения новых системных качеств. Однако полное объяснение указанной природы конфликта требует построения **теоретико-игровой модели**.

В теории игр заинтересованных участников конфликта называют **игроками**. Игроки должны быть способны независимо друг от друга совершать действия, направленные на достижение поставленных ими целей. Из множества действий, доступных каждому игроку в отдельности, формируется **множество стратегий** каждого участника игры. Если игрок способен совершить m независимых действий, то в его распоряжении — 2^m стратегий поведения в данной игре. После того, как каждый игрок выберет свою стратегию, возникает определенный ис-

ход (разрешение) конфликта. Число исходов равно 2^n , где n — общее число всех действий, доступных игрокам рассматриваемой игры. Свои интересы игроки выражают с помощью определения **полезности** каждого исхода. В соответствии с этими полезностями игроки упорядочивают все исходы согласно своим индивидуальным предпочтениям от наилучшего до наихудшего для себя. Иными словами, каждый игрок задает на множестве исходов определенную субъективную **функцию предпочтения**. Конфликт возникает тогда, когда функции предпочтения, по крайней мере, двух игроков не совпадают.

Возможные стратегии игроков определяют структуру конфликта. В **экстенсивной форме** структура конфликта отображается в виде «дерева ходов», последовательно совершаемых каждым из игроков. В **нормальной форме** структура конфликта отображается в виде матрицы предпочтений игроков. В **таблице выборов** структура конфликта отображается в форме бинарных решений («да» или «нет»), принимаемых каждым из игроков относительно каждого своего действия. Таблица выборов является самым компактным и информативным изображением структуры конфликта.

Конфликт двух игроков представляет **игру с нулевой суммой**, то есть со строгим соперничеством, если выигрыш одного из игроков равен проигрышу другого. В противном случае конфликт является игрой с нестрогим соперничеством.

Классики теории игр Дж. фон Нейман и О. Моргенштерн¹⁵ считали, что идейную основу решения любой игры образуют однозначно определенные правила рационального поведения. Такие правила, по их мнению, в идеальном случае, то есть при безошибочном выполнении всеми игроками, должны гарантировать получение исхода, удовлетворяющего всех участников конфликта. Подобный исход был назван «решением» игры. В более формальном смысле **решением игры** называется исход, который не мо-

жет быть никем улучшен в одностороннем порядке, то есть не может быть улучшен без изменения позиций других игроков. Если имеется решение игры, то не существует другого исхода, лучшего, по крайней мере, для одного из игроков. Иными словами, решение игры представляет **точку равновесия**, а стратегии, порождающие его, называются стратегиями, обеспечивающими равновесие.

Идею равновесия, важную и чрезвычайно плодотворную саму по себе, классики теории игр связали с более спорной идеей уровня безопасности принимаемого решения. Согласно этой идее, независимо от того, знают игроки ходы друг друга или нет, в любом случае они должны предполагать, что их противники не дадут им достигнуть наилучшего решения. Поэтому каждый разумный игрок должен выбирать лучшие для себя варианты исключительно из худших. Другими словами, каждый разумный игрок может надеяться только на то, чтобы максимизировать свой минимальный выигрыш (следовать **максиминной стратегии**) или, что то же, минимизировать свой максимальный проигрыш (следовать **минимаксной стратегии**).

Таким образом, каждое решение игры в классическом смысле должно представлять точку равновесия и одновременно быть результатом выполнения максиминной (минимаксной) стратегии. Для игр двух лиц с нулевой суммой было, в частности, доказано, что:

- решение игры гарантируется выбором минимаксной/максиминной стратегии;
- все решения одной и той же игры имеют одну и ту же цену (платеж);
- все стратегии, обеспечивающие решение игры, взаимозаменяемы;
- все игры с полной информацией (ходами, известными всем игрокам) имеют решение;
- все игры с неполной информацией (имеется ход, неизвестный, по крайней мере, одному из игроков) имеют решение в смешанных стратегиях (пропорциях обычных, «чистых» стратегий).

Но все ли реальные конфликты изоморфны играм с нулевой суммой? Ответ очевидно отрицательный. Даже в военной области подобные конфликты не составляют большинства. В таких же сферах, как дипломатия, торговля, судебные разбирательства и т. п., где переговоры являются единственным средством решения конфликтов, все они представляют игры с ненулевой суммой.

Таким образом, классическая теория игр — достаточно элегантная математическая теория, но вместе с тем она почти ничего не дает для анализа реальных конфликтов. Ее основная рекомендация — быть крайне осторожным и никогда не претендовать на лучший исход — носит нормативный характер, но очень редко выполняется на практике. Эта теория рассчитана на рациональных людей, но рациональность понимается исключительно в индивидуалистическом духе, — думай только о своей выгоде, даже если всем вместе можно добиться лучшего исхода. Согласно одному из ее базисных допущений, все игроки обязаны одинаковым образом оценивать одну и ту же игру, то есть она построена на допущении, что каждый игрок обладает полной и достоверной информацией о стратегиях, исходах и предпочтениях всех других игроков и никто никого не обманывает. По очевидным причинам данное допущение вряд ли когда-нибудь выполняется для людей, сотрудничающих вместе, и тем более оно не выполняется в условиях скрытого или явного соперничества. Наконец, классическая теория не способна объяснить, как и почему игроки изменяют свои действия и предпочтения, по каким причинам сотрудничество всегда гарантирует наилучшее разрешение любого конфликта.

Теория игр представляет собой математическую теорию конфликтных ситуаций. Ее цель — выработка рекомендаций по рациональному поведению участников конфликта. Каждая непосредственно взятая из практики конфликтная ситуация сложна, и ее анализ затруднен наличием второстепенных, несущественных факто-

ров. Чтобы сделать возможным математический анализ конфликта, строится его математическая модель. Такая модель называется игрой. От реального конфликта игра отличается тем, что ведется по определенным правилам. Эти правила указывают права и обязанности участников, а также исход игры — выигрыш или проигрыш каждого участника в зависимости от сложившейся обстановки. Таким образом, основная трудность, связанная с использованием математических методов, определяется ограничением, накладываемым неполным соответствием между математическим формализмом и реальностью, которую они должны отражать. Так теория игр допускает предположение о полной (идеальной) разумности противника. В реальном конфликте оптимальная стратегия состоит в том, чтобы угадать, в чем противник «глуп», и воспользоваться этой глупостью в свою пользу. Схемы теории игр не включают элементов риска, неизбежно сопровождающего разумные решения в реальных конфликтах. В теории игр выявляется наиболее осторожное, перестраховочное поведение участников конфликта. Сознывая эти ограничения и поэтому не придерживаясь слепо рекомендаций, полученных игровыми методами, конфликтолог может разумно использовать аппарат теории игр как совещательный при выборе решения.

Значительное расширение теоретических и прикладных возможностей классической теории игр было достигнуто в 80-е годы прошлого столетия в процессе исследования взаимных реакций игроков на действия друг друга как главного условия вычисления индивидуальных и кооперативных стабильных исходов. Такой подход оказался в целом чрезвычайно перспективным, так как позволил не только обобщить классическую теорию игр, но и превратить полученные теоретико-игровые модели в достаточно эффективные и эмпирически надежные методы исследования реальных конфликтов. Значительных успехов в разви-

тии математического аппарата, позволивших перейти к анализу конфликтов с использованием компьютерных программ, добились Н. Ховард, Н. Фрейзер, К. Хайпель¹⁶. Созданная Н. Фрейзером и К. Хайпелем теория анализа конфликтов содержит алгоритм вычисления стабильных исходов любых конфликтов, основанный на учете предпочтений и взаимных реакций на действия друг друга всех игроков, что в конечном счете и гарантирует им разрешение конфликта, каким бы неразрешимым он ни казался каждому из них в отдельности. Данный алгоритм расширяет класс стабильных исходов (предпочитаемых всеми игроками) за счет введения, помимо рациональных в классическом смысле, двух новых видов — *секвенциально (s)* и *одновременно санкционируемых (ss) исходов*.

В 90-е годы прошлого столетия акцент был сделан на всестороннем исследовании роли переговоров игроков до принятия ими окончательного выбора, на изучении роли возможных коалиций соперничающих сторон в достижении требуемого решения, на формализации ошибочного восприятия игроками позиций друг друга, на анализе возникновения и развития сотрудничества между соперниками и роли эмоций и разума в этом процессе. В результате та часть теории игр, которая была ориентирована на анализ реальных конфликтов, была значительно модифицирована и превратилась в самостоятельное направление исследования операций и независимую ветвь консалтинга, которую можно назвать конфронтационным менеджментом¹⁷.

Созданные В. А. Светловым теоретические модели конфликта — структурная, вероятностная, динамическая, теоретико-игровая, структурно-игровая — позволяют анализировать любые виды конфликтов: от внутриличностных до социально-политических.

Структурная и вероятностная модели позволяют находить все возможные способы разрешения конфликта. Однако, по замечанию самого автора, в терминах

этих моделей нельзя определить, какие из найденных решений следует считать оптимальными (стабильными) относительно данных предпочтений игроков.

Динамическая модель объясняет разнообразие видов конфликтных и бесконфликтных систем и позволяет исследовать причины трансформации одних в другие и наоборот. Вместе с тем эта модель оставляет за рамками анализа субъективную составляющую всякого конфликта — игроков, их действия и предпочтения.

Теоретико-игровая модель позволяет находить стабильные исходы согласно данным действиям и предпочтениям игроков, но при этом не объясняет их связь с возможными способами разрешения конфликта. Приходится констатировать: «Ни одна из указанных моделей не может быть названа достаточной для полноценного исследования конфликтов, хотя каждая из них обладает определенными достоинствами»¹⁸. Возможен ли синтез? Один из возможных вариантов В. А. Светлову видится в структурно-игровой теории, объединяющей достоинства структурной и теоретико-игровой моделей анализа и разрешения конфликта.

Главным методологическим допущением структурно-игровой модели является утверждение, что «любое действие приобретает определенное значение только как элемент некоторой перцептивно-поведенческой структуры. В терминах другой структуры анализируемое действие может иметь совсем другой смысл»¹⁹. Действия, подчиняющиеся одной и той же структуре, то есть выполняющие одну ту же функцию, определяются им как *s*-изоморфные. Отношение *s*-изоморфизма позволяет привести любую игру к минимальной (биматричной) форме. Моделирование конфликтов в структурно-игровой форме, по мнению автора, значительно упрощает поиск стабильных решений: для этого нужно вычислить индивидуальные аттитюды игроков, а на их основе — результирующий аттитюд всей игры.

В разработке структурно-игровой модели конфликта В. А. Светлов использует наработки группы канадских аналитиков, возглавляемой профессором Кейтом Хайпелем.

Кейт Вильям Хайпель, профессор факультета проектирования инженерных систем университета в Ватерлоо (Канада), использует методологию и технику системного подхода для поиска инновационных решений комплексных междисциплинарных проблем, возникающих на стыке взаимодействия общества, технологий и окружающей среды. Основной сферой его научных интересов является разработка и применение путей разрешения конфликта, а также методик определения последовательности временных промежутков с позиций определения перспектив в проектировании инженерных систем. К основным сферам приложения такого рода технологий принятия управленческих решений относятся управление водными ресурсами, гидрология, проекты, связанные с изменением окружающей среды, а также проблемы **устойчивого развития**. За консультациями к команде Хайпеля постоянно обращаются правительственные учреждения, инженерные компании, коммунальные службы Японии, Бразилии, Соединенных Штатов Америки, Канады.

Школа формального моделирования путей разрешения конфликтов К. Хайпеля исходит из того, что для инженеров и людей, принимающих решения, знание путей разрешения конфликтов имеет огромное значение в связи с возрастающим влиянием, оказываемым социальными и политическими факторами, — влиянием, значение которого уже невозможно не учитывать в ходе самого процесса принятия инженерного решения. При проектировании такого крупномасштабного инженерного проекта, как, например, атомный реактор, инженер должен быть уверен в том, что предпринимаемые им шаги осуществимы не только с учетом физических, финансовых, экономических и инвайроментальных, но также и соци-

альных, политических позиций. В конечном итоге представление о путях разрешения конфликтных ситуаций лишь усиливает позиции создаваемого проекта, делая его более глубоким и учитывающим большее количество обстоятельств. По убеждению К. Хайпеля, формальная модель конфликта является эффективным средством фиксации и изучения конфликта с позиций системного подхода, предоставляющим возможность нахождения компромиссных решений, обеспечивающих стабильность, а также тех точек сотрудничества, которые делают возможными варианты типа «выигрыш — выигрыш». В основу этой модели поисков путей разрешения конфликтов были положены основные идеи теории графов с использованием теоретико-игровых моделей, а также усовершенствованная версия теории гиперигр. С помощью последней стало возможным анализировать конфликты, игроки которых обладают неполной или ошибочной информацией о стратегиях и предпочтениях друг друга, а также вычислять с любой желаемой степенью глубины отражения выражение позиций друг друга, что особенно важно при поиске причины ошибочного восприятия.

Показанные и проанализированные подходы к построению теории конфликта свидетельствуют о том, что в современной науке совершенно отчетливо проступает тенденция, характеризующаяся движением к формированию новой парадигмы — конфликтологической, пытающейся синтезировать все виды гуманитарного, социального и психологического знания на основе системной методологии, использования логических и математических методов, компьютерного моделирования и анализа. «Адисциплинарный» (по Дж. Бертону) характер конфликтологии представляет собой указание на потенциально сопряженные дополнительные возможности в поисках ответов на вопросы социальной статики и динамики, общественного прогресса и регресса, устойчивого и неустойчивого развития, поиска

и обоснования наиболее оптимальных управленческих решений.

Уровень формализации процедур, требующий использования математического и логического аппарата, одновременно является очевидным препятствием для его свободного использования теми, кто работает, скажем так, в традиционно психологическом или политологическом дискурсе. Чтобы не сложилась ситуация, напоминающая ту, которая существует вокруг искусственного языка «эсперанто», вероятно, необходимо движение в двух направлениях: с одной стороны — повысить уровень владения основными логическими процедурами и методами тем, кто собирается использовать новые открывающиеся возможности в рамках складывающейся парадигмы, с другой стороны — видимо, необходимо осуществить ряд адаптированных интерпретаций основных положений единой теории конфликта на уровне либо теорий среднего уровня, либо теоретико-исследовательских матриц, использование которых не будет сопряжено со знанием элемен-

тов высшей математики. Данное соображение обусловлено не желанием «занизить» уровень требований, предъявляемых к высокой науке со стороны «широкой общественности», а как раз необходимостью осознания того факта, что процесс институционализации конфликтологии весьма интенсивен и связан с соответствующим нарастанием массы социальных статусов, обеспечивающих удовлетворение определенной общественной потребности. Разнообразие данных статусов одновременно свидетельствует о том, что языком «высокой» теоретической науки совсем не обязательно овладевать всем, кто так или иначе «практикует» с конфликтом. Вместе с тем необходимость знакомства с адаптированным — в той или иной степени — вариантом единой теории конфликта неизбежна, если конфликтолог заинтересован в усилении своих аналитических возможностей и желает избежать проблем и трудностей, упомянутых в самом начале данной статьи.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Здравомыслов А. Г. Социология конфликта. М., 1995. С. 80.
- ² Там же. С. 81; курсив мой.
- ³ Там же. С. 82; курсив мой.
- ⁴ См.: Современная конфликтология в контексте культуры мира (Материалы 1 Международного конгресса конфликтологов). М., 2001. С. 9–11.
- ⁵ Цит. по: Нечипоренко Л. А. Буржуазная «социология конфликта». М., 1982. С. 38–39.
- ⁶ Гришина Н. В. Психология конфликта. СПб., 2000. С. 15.
- ⁷ Социальная конфликтология / Под ред. А. В. Морозова. М., 2002. С. 15.
- ⁸ Гришина Н. В. Цитир. раб. С. 161.
- ⁹ Там же. С. 165.
- ¹⁰ Там же. С. 184.
- ¹¹ См.: Burton J. W. On the Need for Conflict Prevention. Occasional Paper. Institute for Conflict Analysis and Resolution. George Mason University, 1993.
- ¹² Светлов В. А. Аналитика конфликта. СПб., 2001. С. 36–37.
- ¹³ Там же. С. 27.
- ¹⁴ Там же. С. 239.
- ¹⁵ Нейман Дж., фон, Моргенштерн О. Теория игр и экономическое поведение. М., 1970.
- ¹⁶ См.: Howard N. Paradoxes of Rationality: Theory of Metagames and Political Behavior. Cambridge, 1971; Fraser N. M., Hipel K. W. Conflict Analysis. Models and Resolutions. New York, 1984.
- ¹⁷ Подробнее см.: Светлов В. А., Семенов В. А. Принятие решений в условиях конфликта (введение в конфликтологический менеджмент) // Измерение социальной напряженности: теория, методология и методика исследования. СПб., 2002. С. 305–321.
- ¹⁸ Аналитика конфликта. С. 413.
- ¹⁹ Там же. С. 438.

V. Semenov

**«ESPERANTO» FOR CONFLICT SPECIALISTS
(TO THE CONSTRUCTION OF THE HOLISTIC CONFLICT THEORY)**

The article is dedicated to the problem of foundation and developing of conflict theory. It is marked there, that an interdisciplinary definition of the character of conflictology as a specialized branch of scientific knowledge, formed on the base of sociological theory and methodology, inevitably needs in its own unified theory of conflict. Approaches to the construction of such kind of theory, analyzed in this article, demonstrate the tendency in modern science to the building a new kind of paradigm — conflictological one, in the frame of which the attempt of synthesis of all forms of humanitarian, social and psychological knowledge on the base of system approach, methods of math and logic, computation and analysis is realizing. One of the attempts to create the unified conflict theory, realized by V. Svetlov, is analyzed. It contains the demonstration of possibilities this theory possesses in defining the situation like a conflict one, abilities of the new notion of «conflict», principles of the construction of the unified conflict theory and its practicability for the specialists of different sciences.